

10. Liven, A. Koronavirus kak zerkalo: chto my vidim? [Coronavirus as a mirror: what do we see?]. *Rossiya v globalnoy politike* [Russia in Global Affairs], 2020, no. 3.
11. Moshhelkov, E. N. Sostoyanie sotsiougumanitarnogo znaniya: opyt proshlogo i sovremennost [The state of social humanitarian knowledge: past experience and modernity]. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture], 2019, no. 3, p. 148–152.
12. *Materialy I Mezhdunarodnogo rossiysko-kitayskogo simpoziuma Rossiya "Kitay: dialog v usloviyakh globalizatsii" = 俄罗斯 – R 768 中国:全球化条件下的对话* [Materials of the 1st International Russian-Chinese Symposium "Russia – China: Dialogue in the Context of Globalization"]. Ed. by M. N. Fomin. Chita, Transbaikal State University Publ., 2019.
13. Chumakov, A. N. *Globalizatsiya. Kontury tselostnogo mira* [Globalization. Contours of the Integral World]. Moscow, Prospekt Publ., 2017, 3rd ed.
14. Chumakov, A. N. *Metafizika globalizatsii. Kulturno-tsivilizatsionnyy kontekst* [Metaphysics of Globalization. Cultural and civilizational context]. Moscow, Prospekt Publ., 2016, 2nd ed.
15. Encyclopedia of Global Studies. Ed. by H. K. Anheier, M. Juergensmeyer. SAGE Publ., 2012.
16. Şiriner İ., Nenička L. *Globalisation: Dimensions & Impacts: Global Studies*. L.: IJOPEC Publ., 2011, vol. 1.
17. Stoddard, E., Collins, J. *Social and Cultural Foundations in Global Studies*. L.: Routledge, 2016.
18. Toffler, A. *Future Shock*. New York, Random House Publ., 1970.
19. *China – Soft Power*. Available at: <https://softpower30.com/country/china/> (Accessed: 20.07.2020).

DOI 10.21672/1818-510X-2020-64-3-110-118

### **ПОСТКОЛОНИАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ ДЛЯ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА: ВОЗМОЖНЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ**

**Летняков Денис Эдуардович**, кандидат политических наук  
Институт философии РАН  
Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, 12, стр. 1  
E-mail: letnyakov@mail.ru

В статье проблематизируется распространённый в социальных науках взгляд на постсоветское состояние как на постколониальное. Автор показывает, что постколониальный дискурс склонен недооценивать специфику (пост)советского опыта. Во-первых, постколониальная теория не учитывает радикального характера коммунистической утопии, в рамках которой форсированная модернизация национальных «окраин» была частью большого проекта по формированию «нового человека» и осуществлению культурной революции в отношении «отсталых масс». Во-вторых, постколониальный дискурс лишает субъектности жителей национальных республик, представляя их субалтернами, пассивными жертвами коммунистического эксперимента, тогда как в действительности накануне 1917 г. на «окраинах» также существовал запрос на социальные изменения, а в последующем многие представители национальной периферии успешно интегрировались в советские институты. В-третьих, Советский Союз принципиально отличался от «классических» империй отсутствием различий в практиках управления «центром» и «окраинами», более того в СССР значительные ресурсы направлялись на политическую, экономическую и социокультурную консолидацию различных территорий. В итоге делается вывод о том, что постколониальный дискурс может адресоваться постсоветскому пространству со значительными ограничениями и оговорками.

**Ключевые слова:** постколониальная теория, постсоветское пространство, Советский Союз, коммунизм, субалтерн, модернизация, культура, ориентализм, Центральная Азия, национализм

### **POSTCOLONIAL THEORY FOR POST-SOVIET COUNTRIES: POSSIBLE MISCONCEPTIONS**

**Letnyakov Denis E.**, Ph. D. (Policy)  
Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences  
12/1 Goncharnaya St., Moscow, 109240, Russian Federation.  
E-mail: letnyakov@mail.ru

The article throws into question the idea that post-Soviet states should be considered as post-colonial ones. Post-colonial discourse tends to underestimate the specificity of the (post)Soviet experience. First of all, the postcolonial framework does not take into account radical nature of the Communist utopia. Forced modernization of national "borderlands" was just a part of a larger project of forging a "new man"; in the same vein Bolshevik cultural revolution was addressed not only to "Orient peoples" but to the "backward masses" as such. Secondly, the postcolonial discourse presents inhabitants of national republics as 'subalterns', passive victims of 'Communist experiment'. Actually, the Soviet project came into being as a result of joint action of the 'center' and 'periphery' and many people from national republics successfully integrated into Soviet institutions. Thirdly, the Soviet Union was fundamentally different from the "classical" empires by its efforts to integrate various territories, to impose uniform social and living standards, etc. Thus, the paper comes to conclusion that post-colonial discourse can be addressed to post-Soviet countries with significant reservations.

**Keywords:** postcolonial theory, the former Soviet Union, USSR, Communism, subaltern, modernization, culture, orientalism, Central Asia, nationalism

Многие авторы, работающие в русле постколониальных исследований, давно уже рассматривают страны бывшего СССР как вполне «законную» сферу своих научных интересов [28; 24; 31; 22; 17; 14]. Основные аргументы в пользу того, что (пост)советское состояние может анализироваться как (пост)колониальное, хорошо известны: это элементы ориентализма в дискурсе, который представители «центра» использовали в отношении восточных «окраин» СССР; выстраивание иерархии культур после того, как за русскими с конца 1930-х гг. закрепляется неформальный статус «старшего брата» в семье советских народов; травматический опыт многих народов, связанный с их насильственным присоединением к Советской России / СССР, депортациями и этническими чистками; сырьевая специализация отдельных республик в системе общесоюзного разделения труда; доминирование русских в политическом руководстве страны, армии и силовых структурах. Даже маршруты постсоветской трудовой миграции из ближнего зарубежья в Россию позволяют проводить параллели с постколониальной миграцией пакистанцев или арабов в бывшие европейские метрополии.

Нельзя сказать, что все приведённые аргументы кажутся неубедительными. Но всё же представляется, что механический перенос постколониального дискурса из «третьего мира»<sup>1</sup> в бывший «второй» не всегда продуктивен, поскольку упускает из виду важные особенности советского случая. Недооценка советской специфики в этом аспекте связана, как мне кажется, с несколькими причинами. Прежде всего, для многих авторов, особенно на Западе, использование постколониальной аналитической рамки для постсоветского пространства – это способ пойти по пути наименьшего сопротивления, перенести на данный регион привычный понятийный аппарат и отработанную исследовательскую оптику. Тем более что сам по себе распад СССР, произошедший на фоне националистической мобилизации в республиках, часто рассматривается как лучшее доказательство имперской природы советского государства. В свою очередь, исследователи из бывшего СССР, желая встроиться в международную академическую науку, тоже вынуждены разговаривать на понятном для неё языке. Сделать это тем проще, что самоощущению постсоветских обществ присуща склонность к самовиктимизации, к описанию коммунистического периода в категориях травмы, утраты культурной самобытности, что опять-таки хорошо рифмуется с постколониальным дискурсом. Но, разумеется, было бы неправильно сводить всё к чисто конъюнктурным моментам – существует и более глубокая проблема, связанная с отсутствием внятной концептуальной альтернативы постколониальному (само)описанию, особенно учитывая, что распад СССР пришёлся на самый расцвет постколониальных исследований [1, с. 31].

В настоящей статье я хотел бы проблематизировать тождество (пост)советского и (пост)колониального, ставшее частью исследовательского мейнстрима (во всяком случае, в западной академии), показав, что советский опыт не всегда переводим на язык постколониальной теории. В обоснование этого тезиса я сосредоточусь на трёх сюжетах: а) радикально-эмансипаторский характер большевистской утопии, в которой отсутствовал культурный империализм «классического» типа; б) непродуктивность взгляда на большевизм и, шире, на советский строй как на какую-то внешнюю силу по отношению к жителям национальной периферии; в) инклюзивность советского проекта, нацеленного на формирование единой политической и социокультурной общности, которая в официальном дискурсе тех лет получила название «советского народа».

**Кого хотели цивилизовать большевики?** Одна из характеристик стандартной колониальной ситуации – это доминирование культуры колонизаторов над автохтонными культурами, которые ретируются как «отсталые» и подвергаются «принудительной» модернизации. Все это ведёт к осознанию собственной неполноценности со стороны колонизируемых народов, утрате ими своего культурного наследия. Советская модернизация, которая также сопровождалась борьбой с местными религиозными и культурными традициями, разрушением привычного образа жизни миллионов людей, часто рассматривается именно в такой колониальной логике. Насколько это правомерно?

Агенты европейского колониализма, приходившие со своей цивилизаторской миссией на корённые территории, действовали там от имени английской, французской или, скажем, португальской культуры; либо же, опираясь на идеологию расизма, апеллировали к пресловутому «бремени белого человека». Так выглядит типичный культурный империализм. Проводя параллели с советским случаем, зададимся вопросом, от имени какой культуры большевики обращаются к «трудящимся Востока» и занимаются форсированной модернизацией «окраин»? Существует, конечно, соблазн представить большевизм очередной реинкарнацией русского империализма – одним из тех, кто стоял у истоков этой интеллектуальной традиции, был Н. А. Бердяев. Русский философ полагал, что в облики коммунистического СССР возродилась историческая Россия, а сам большевизм прямо

---

<sup>1</sup> Напомню, что у истоков постколониальной теории стояли выходцы из европейских, прежде всего, британских колоний (Э. Саид, Х. Баба, Г. Спивак и др.). Задача, которую ставили перед собой названные авторы, заключалась в критике евроцентризма, в описании и осмыслении опыта угнетённых народов.

произрастает из русской политической культуры с её мессианством и этатизмом [3]. Впоследствии данная точка зрения станет весьма популярной у западных советологов и славистов [32; 33; 29]. Однако, концентрируясь на преемственности между Российской империей и Советским Союзом, рассматривая большевизм как преимущественно русский проект, мы упускаем из виду и его радикальную новизну и подчеркнута вненациональный характер.

Р. Г. Суни справедливо отмечал, что «большевистская политическая культура всегда была глубоко антинациональной», главным маркером идентичности для неё выступала классовая принадлежность [38, р. 506]. Национализм рассматривался марксистами как типичный пример «ложного сознания», навязывающего рабочему классу чуждые ему интересы и лояльности. Поэтому, придя к власти, большевики воспринимали себя (и действовали) не как агенты русского империализма и носители великой русской культуры, а как авангард рабочего класса. На революцию 1917 г. они изначально смотрели только как на «звено интернациональной цепи» других революций [15, с. 33], так что присоединение бывших имперских окраин в годы гражданской войны было, в первую очередь, способом экспортировать революцию на сопредельные территории [36, р. 28–29].

Преодолеть национальные рамки стремилась и культура всего левого авангарда. Как пишет российская исследовательница, «субъект социального творчества идентифицировал себя не с национальной идеей, не с идеей территории и государства российского, а с всеобщей идеей социального освобождения...» [5, с. 167]. Показательно, что во многих научно-фантастических утопиях, чрезвычайно популярных в те годы, присутствуют мечты о глобальном человеческом сообществе. В качестве одного из примеров укажу на книгу Я. Окунева «Грядущий мир: утопический роман» (1923), где с помощью техники предполагалось соединить все континенты, стереть границы между государствами и нациями и построить «всемирный город-коммуна»<sup>1</sup>. Характерно, что в 1920-е гг. школьное обучение в СССР основывалось на сугубо интернациональных принципах – слово «родина» если и употреблялось, то только в значении малой родины [20, р. 116–117], и даже Олимпийские игры с соперничеством сборных из разных стран в то время клеймились советскими функционерами как «праздник национализма и шовинизма» [6, с. 125].

Как известно, в основе коммунистической идеологии лежала идея создания «нового человека». Это был проект радикальной эмансипации, обращённый ко всем людям без исключения. 1920-е и значительная часть 1930-х гг. прошли в СССР под знаком ликвидации безграмотности, становления всеобщего образования, атеистической пропаганды, новой организации быта (дома-коммуны), борьбы за освобождение женщин (вовлечение их в производственную и общественную жизнь, легализация абортов). И вряд ли оправданно вслед за Д. Нортоп [30] рассматривать в колониальной оптике «Худжум», равно как и наступление на ислам или буддизм, просто потому, что в тот же период культурная революция не меньшим рвением осуществлялась и в европейском центре страны [16]. Большевики хотели не только снять паранджу с женщины Востока, но и освободить женщину как таковую; аналогичным образом в качестве «пережитка прошлого» рассматривалась любая религиозная традиция.

Таким образом, советская «принудительная» модернизация не содержала в себе того культурного империализма, который был встроена в «классический» колониальный порядок. Коммунистический проект был прогрессистским и европоцентристским, однако в СССР субъектом социальной инженерии выступала партия авангардного типа, которая была враждебна всем локальным культурам<sup>2</sup> и ощущала своего рода «цивилизаторскую миссию» по отношению к «отсталым массам» как таковым. Когда Ленин в 1923 г. пишет о «полуазиатской бескультурности, из которой мы не выбрались до сих пор» и необходимости «достигнуть [хотя бы] уровня обыкновенного цивилизованного государства Западной Европы» [10, с. 23], это адресуется «центру» не в меньшей степени, чем «окраинам». Крестьянская курная изба была таким же символом этой косности и «бескультурности», как и юрта кочевников.

Стоит оговориться, что во второй половине 1930-х гг. революционно-утопический пафос большевистского проекта постепенно улетучивается. Происходит отказ от идеи мировой революции, провозглашается возможность построения социализма в отдельно взятой стране. Как следствие, инициируется ревизия неоимперского нарратива, реабилитация русского патриотизма

---

<sup>1</sup> Подробное описание романа см.: [37, р. 174–175].

<sup>2</sup> Национально-территориальное размежевание страны и активное спонсирование культур «титовых» национальностей (политика «коренизации») в 1920-е – первой половине 1930-х гг. изначально рассматривались большевиками в чисто инструментальной логике – как возможность для советской власти заручиться поддержкой «националов», «подтянуть» окраины в культурном и политическом смысле, сделать СССР примером для других народов накануне ожидавшегося обострения антиколониальной борьбы [12]. При переходе к коммунизму же этнические различия должны были стать незначимыми.

и его основных символов [4]. Русская культура и язык получают статус объединяющих всё советское общество. Однако сталинский термидор вовсе не отменяет того факта, что в основе советского проекта лежали совершенно иные принципы, которые постколониальная рамка склонна не замечать или, во всяком случае, недооценивать.

**Были ли субалтернами жители национальных «окраин»?** Постколониальная теория во многом строится на критике неравноправных отношений между субъектом, осуществляющим имперскую экспансию, и колонизируемым сообществом. Внутри постколониальных штудий существует особое направление – “subalternstudies” (исследования субалтернов, т. е. «подчинённых»), которое занимается изучением тех, чья субъектность ограничена, кто находится внизу властной иерархии, и в силу своего маргинального положения не имеет права на самостоятельное высказывание в публичном пространстве. Примером субалтерна в хрестоматийном эссе Г. Сливак является женщина в традиционном индийском обществе [35]. Но в широком смысле слова субалтерность – это черта колонизируемых обществ как таковых. Не случайно работа Э. Саида «Ориентализм», стоявшая у истоков постколониальной теории, посвящена европейскому дискурсу о Востоке, который экзотизирует не-западные общества, превращает их в объект изучения и стремится говорить за них [34].

Некритичное использование постколониального дискурса в отношении советского периода заставляет нас рассматривать Среднюю Азию, Кавказ и прочие национальные «окраины» как таких субалтернов – жертв коммунистического эксперимента, навязанного какими-то внешними по отношению к ним силами. Такой нарратив, безусловно, хорошо ложится на само виктимизирующее восприятие советского периода в новых независимых государствах, но он предлагает весьма однобокую версию истории, в которой субъектность остается только за условной Москвой.

В действительности же советский проект, со всеми своими плюсами и минусами, был общим делом центра и периферии. Как отмечает А. Халид, многие меры большевиков в Средней Азии (раскрепощение женщин, борьба с религией, развитие образования, национального самосознания), были частью повестки местной прогрессивно настроенной интеллигенции (джадидов) ещё до 1917 г. Неудивительно, что многие джадиды не только приветствовали приход советской власти, но и фактически использовали последнюю для реализации собственных задач [26, р. 250]. На территории Бухарского ханства группировка младобухарцев, вдохновившись революционными событиями в Петрограде, сначала попыталась самостоятельно захватить власть, а затем, уже во время гражданской войны, частично присоединилась к большевикам [39, р. 39–40]. Подобные примеры говорят о том, что социокультурная и экономическая трансформация советских «окраин» в 1920–1930-е гг. не должна рассматриваться как столкновение между внешней силой в виде большевиков и местным населением, которое пыталось удержать свою самобытность и сопротивлялось чуждому социальному порядку. Скорее речь должна идти о расколе, который, как и на «русских» территориях в годы гражданской войны, проходил через все общество – кто-то видел в советской власти угрозу, а кто-то связывал с ней надежды на позитивные перемены. И в дальнейшем многие жители национальной периферии делали успешную карьеру, сознательно и добровольно интегрировались в советские институты (армию, бюрократию, академию и т. д.).

Представление о том, что весь советский период Москва диктовала свою волю послушным «окраинам», также далеко от реальности. Конечно, политически союзный центр всегда доминировал, и равноправных отношений между ним и республиками не существовало. Тем не менее, местные элиты не всегда были безгласными проводниками чужих решений. В качестве подтверждения сошлюсь на исследование А. Калиновского, который показывает, как узбекские и таджикские власти, используя желание советского руководства превратить республики Средней Азии в «витрину» для стран «третьего мира», успешно лоббировали строительство у себя промышленных и инфраструктурных объектов в 1950-е – начале 1960-х гг. [25].

Кстати симптоматично, что в той же Центральной Азии, о которой в этом разделе статьи по преимуществу шла речь, далеко не все общества сегодня готовы воспринимать себя как постколониальные. Об этом говорят специалисты по региону [1, с. 44]. Это хорошо прослеживается и по современным учебникам истории, в которых принципиально разводится период до 1917 г. как однозначно колониальный, и советская эпоха. Так, авторами киргизского учебника распад СССР трактуется не как освобождение от имперской зависимости, а как выход «из-под опеки союзных органов» [8, с. 187], пребывание же в составе Советского Союза, при всех издержках и жертвах, связывается в Киргизии с созданием национальной государственности, с ликвидацией неграмотности, появлением национальной интеллигенции, институционализацией социального государства [8, с. 50–58, 98–100, 156–157]. Похожие оценки находим и в казахстанском учебнике, где советская эпоха, несмотря на всю критику в её адрес, колониальной всё же не является – это большевикам пришлось иметь дело с «тяжёлым наследием колониальной политики» [2, с. 100]. Иначе говоря, советский период в официальном нарративе этих двух стран изображается не как время имперского

господства Москвы, а, скорее, как начало постколониального транзита, завершившегося уже в 1991 г. Аналогичным образом в Национальном музее Таджикистана коммунистическая эпоха описывается не в терминах оккупации или колонизации, а «как [органичная] часть национальной истории» [9].

**Где проходила граница между «метрополией» и «колониями»?** Д. Ч. Мур в своей влиятельной статье доказывал, что главный аргумент в пользу применимости постколониальной рамки к постсоветскому пространству – это субъективное ощущение подчинённых коммунистической власти народов: «Безусловно, с точки зрения узбека, венгра или литовца ситуация была колониальной» [28, р. 123]. Мур прав в том, что при определении какой-то ситуации как колониальной главным является вопрос (само)восприятия – рассматривается ли власть, которой люди вынуждены подчиняться, как чужая, ощущают ли управляющие и управляемые культурную дистанцию между собой [19, р. 4]. Гораздо сложнее согласиться с американским исследователем в том, что нерусские народы Советского Союза «безусловно» чувствовали свою колониальность.

Вряд ли будет ошибкой сказать, что в послевоенный период в СССР сформировалась общесоветская идентичность, которая не была исключительно пропагандистским мифом. В её основе лежала коллективная память о победе в ВОВ, русский язык, которым владело подавляющее большинство населения, а также схожие социокультурные практики – пространство «от Владивостока до Бреста» объединяли общие праздники и ритуалы, вроде встречи Нового года, фильмы и книги, единая индустрия досуга для детей и взрослых, организация городского пространства в виде типовой застройки жилья и пр. Понятно, что, например, жителям Прибалтики было гораздо труднее ощущать свою «советскость», и степень устойчивости советской идентичности можно обсуждать, но, во всяком случае, нельзя не видеть принципиального отличия описываемой ситуации от обычной имперской, в рамках которой никто даже не ставил себе цели конструировать единый народ из жителей метрополии и колоний [27, р. 312–313]. Наоборот, различия между ними часто специально подчёркивались, в т. ч. потому, что обладание колониальными владениями позволяло сформировать национальную идентичность внутри метрополии – наличие культурного и расового Другого в колониях помогало очертить ментальные границы метрополии, «вообразить» нацию в имперском ядре<sup>1</sup>.

Смысл стандартных практик колониального управления хорошо выразил в 1925 г. Д. Кэмерон, британский губернатор Танганьики: «наш долг делать всё, что в наших силах, чтобы развивать туземца в направлении, которое не вестернизирует его и не превратит в плохую имитацию европейца» [21, р. 285]. Другими словами, задача британской администрации виделась в том, чтобы сделать из жителей колоний «хороших африканцев», но не «хороших европейцев» (последнее казалось Д. Кэмерону просто невозможным). Именно поэтому местное население в колониях обычно оставалось подсудно особым «туземным» судам; поэтой же причине англичане и французы не вводили в своих африканских владениях всеобщего образования, не желая создавать дополнительные социальные лифты: туземцы должны были оставаться крестьянами, низкоквалифицированными рабочими, в лучшем случае – мелкими клерками [21, р. 286]. Советская элита, как мы помним, руководствовалась прямо противоположной целью – она стремилась не законсервировать традиционный образ жизни «окраин», но осуществить их форсированную модернизацию, в т. ч. создавая в первые десятилетия систему «позитивной дискриминации» для «культурно отсталых национальностей» (квоты в вузах и на промышленных предприятиях, политика по выращиванию национальных кадров и т. д.); а вместо усилий по укреплению границы между «центром» и «периферией» значительные ресурсы всегда тратились на экономическое выравнивание регионов<sup>2</sup> и социокультурную консолидацию страны.

Сталинский дискурсивный сдвиг в национальной политике, о котором уже говорилось выше, содержал в себе представление о русских как о «старшем брате» остальных советских народов, но и после этого ни на символическом, ни на институциональном уровне не делалось попыток противопоставить русскую «метрополию» национальным республикам. Советский проект был тоталитарным, он мог использовать варварские средства для достижения поставленных целей, но он оставался при этом проектом универсалистским, инклюзивным по своей сути, в равной степени адресованным всем жителям СССР<sup>3</sup>.

---

<sup>1</sup> О роли империи в процессе нацистроительства в Британии и Франции см.: [23; 18].

<sup>2</sup> Показательно, например, что начатая при Н. Хрущеве программа массового жилищного строительства сразу реализуется в общесоюзном масштабе, благодаря этому только в Киргизской ССР за 1955–1964 гг. около 40 % всего населения смогли улучшить свои жилищные условия [11, с. 9].

<sup>3</sup> В советской истории были и депортированные народы, и чистки по «национальной линии», но мне кажется, что эти факты правильнее рассматривать в контексте общей репрессивности режима, который мог дискриминировать отдельные группы населения, подозревая их в нелояльности (скажем, до 1936 г. существовали т. н. «лишенцы», которые были ограничены в правах из-за «неправильного» социального происхождения).

**Заключение.** Как было показано в статье, советский период в силу своей специфичности далеко не всегда поддается описанию с помощью языка постколониальной теории. Следовательно, если мы ставим СССР в один ряд с «классическими» империями и рассматриваем его крушение как часть глобального тренда на деколонизацию мира после Второй мировой войны, мы слишком растягиваем и понятие империи, и понятие колониализма, лишая их точности и определенности.

Тем не менее, сказанное не означает, что постколониальный дискурс вовсе неприменим для описания посткоммунистического состояния – в советском опыте легко можно обнаружить и «имперские ситуации», если воспользоваться удачным термином основателей журнала “Abimperio” [7]; кроме того, очевидно, что после 1991 г. ощущение своей постколониальности так или иначе присутствует в идентичности многих постсоветских обществ – оно проявляется хотя бы в попытках дистанцироваться от бывшего «старшего брата» из Москвы, отстроиться от общей с ним исторической памяти и культурного пространства. Поэтому проблема теоретической интерпретации (пост)советского опыта не может сводиться к категоричному ответу на вопрос, был ли СССР империей или нет. Чёрно-белые формулировки вроде «империи зла» или «дружбы народов» лучше оставить политикам, тогда как задача исследователей – видеть нюансы, «заново вопрошать очевидности и постулаты», как сказал когда-то М. Фуко.

Проблематизируя тезис о постсоветском как постимперском и отказываясь от слишком прямых аналогий между деколонизированными странами «третьего мира» и посткоммунистическими политиями, важно также не впадать в другую крайность, трактуя (пост)советский случай как совершенно уникальный, не поддающийся сравнению с другими. В этом смысле можно солидаризоваться с А. Пензиным, который говорит о задаче «культурного перевода локальной [постсоветской] ситуации в международный контекст» [13, с. 115]. Это означает, что мы должны поместить постсоветское в более широкую исследовательскую перспективу так, чтобы, с одной стороны, оно не потеряло своей специфики, а, с другой – оставалось понятным для остальных и переводимым на язык современной социальной теории. Конкретные шаги в этом направлении должны, конечно, стать предметом отдельного рассмотрения.

#### Список литературы

1. Абашин, С. Советское = колониальное? (За и против) / С. Абашин, Г. Мамедов, О. Шаталова // Понятия о советском в Центральной Азии. – Бишкек : Штаб-Press, 2016. – С. 28–49.
2. Агаян, Б. Г. История Казахстана (начало XX века – настоящее время) / Б. Г. Агаян, М. Д. Шаймерденова. – Алматы : Атамара, 2013. – 400 с.
3. Бердяев, Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма / Н. А. Бердяев. – Санкт-Петербург : Азбука, 2016. – 221 с.
4. Бранденбергер, Д. Л. Национал-большевизм. Сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания. 1931–1956 / Д. Л. Бранденбергер. – Санкт-Петербург : Академические проекты ; ДНК, 2009. – 415 с.
5. Булавка, Л. А. Феномен советской культуры / Л. А. Булавка. – Москва : Культурная революция, 2008. – 288 с.
6. Вагина, М. Советский спорт и политика рекорда / М. Вагина, И. Глущенко, Б. Кагарлицкий, В. Куренной // СССР: жизнь после смерти. – Москва : Высшая школа экономики, 2012. – С. 119–136.
7. Герасимов, И. «Нашей задачей является деконструкция «схемы русской истории», сохраняющейся со времен Карамзина» / И. Герасимов, А. Портнов. – Режим доступа: <https://www.colta.ru/articles/literature/16199-nashey-zadachey-yavlyaetsya-dekonstruktsiya-shemy-russkoy-istorii-sohranyayuscheysya-so-vremen-karamzina>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
8. Иманкулов, М. К. История Кыргызстана (XX–XXI вв.). 9 класс / М. К. Иманкулов. – Бишкек, 2014. – 240 с.
9. Калиновский, А. Призывники социализма: таджикская интеллигенция и деколонизация по-советски / А. Калиновский // НЛО. – 2020. – № 1 (161). – Режим доступа: [https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe-literaturnoe\\_obozrenie/161\\_nlo\\_1\\_2020/article/21976/](https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe-literaturnoe_obozrenie/161_nlo_1_2020/article/21976/), свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
10. Ленин, В. И. Странички из дневника / В. И. Ленин // Последние письма и статьи. 23 декабря 1922 г. – 2 марта 1923 г. – Москва : Политиздат, 1973. – С. 22–27.
11. Мамедов, Г. Бишкек утопический: археология радикального воображения / Г. Мамедов, О. Шаталова // Бишкек утопический: сборник текстов. – Бишкек, 2015. – С. 6–23.
12. Мартин, Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939 / Т. Мартин. – Москва : РОССПЭН, 2011. – 662 с.
13. Пензин, А. А. Постсоветская «сингулярность»: несколько тезисов и историй вокруг одной проблемы / А. А. Пензин // Личность. Культура. Общество. – 2012. – Т. 14 (вып. 2), № 71–72. – С. 114–122.
14. Рябчук, М. Разновидности колониализма: о возможностях применения постколониальной методологии к изучению посткоммунистической Восточной Европы / М. Рябчук // Политическая концептология. – 2013. – № 3. – С. 116–125.
15. Троцкий, Л. Перманентная революция / Л. Троцкий. – Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2009. – 224 с.
16. Фицпатрик, Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е гг.: город / Ш. Фицпатрик. – Москва : РОССПЭН, 2001. – 332 с.

17. Adams, L. Modernity, Postcolonialism, and Theatrical Form in Uzbekistan / L. Adams // *Slavic Review*. – 2005. – Vol. 64 (2). – P. 333–354.
18. Aldrich, R. Colonialism and Nation-Building in Modern France / A. Miller, S. Berger // *Nationalizing Empires*. – Budapest ; New York : CEU Press, 2015. – P. 135–194.
19. Beissinger, M. The Persistence of Empire in Eurasia / M. Beissinger // *News Net*. – 2008. – Vol. 48 (1). – P. 1–8.
20. Bezrogov, V. 'If the War Comes Tomorrow': Patriotic Education in the Soviet and post-Soviet Primary School / M. Bassin, C. Kelly // *Soviet and post-Soviet identities*. – Cambridge : Cambridge University Press, 2012. – P. 113–128.
21. Blitstein, P. A. Cultural Diversity and the Interwar Conjunction: Soviet Nationality Policy in Its Comparative Context / P. A. Blitstein // *Slavic Review*. – 2006. – Vol. 65 (2). – P. 273–293.
22. Carey, H. F. Postcolonialism: A Valid Paradigm for the Former Sovietized States and Yugoslavia? / H. F. Carey, R. Raciborski // *East European Politics and Societies*. – 2004. – Vol. 18 (2). – P. 191–235.
23. Evans, N. "A World Empire, Sea-Gift": The British Empire, State and Nations, 1780–1914 / A. Miller, S. Berger // *Nationalizing Empires*. – Budapest ; New York : CEU Press, 2015. – P. 31–98.
24. Gleason, G. Independence and Decolonization in Central Asia / G. Gleason // *Asian Perspective*. – 1997. – Vol. 21 (2). – P. 223–246.
25. Kalinovsky, A. Not Some British Colony in Africa: The Politics of Decolonization and Modernization in Soviet Central Asia, 1955–1964 / A. Kalinovsky // *Ab Imperio*. – 2013. – № 2. – P. 191–222.
26. Khalid, A. Backwardness and the Quest for Civilization: Early Soviet Central Asia in Comparative Perspective / A. Khalid // *Slavic Review*. – 2006. – Vol. 65 (2). – P. 231–251.
27. Malakhov, V. Why Tajiks Are (Not) Like Arabs: Central Asian Migration into Russia Against the Background of Maghreb Migration into France / V. Malakhov // *Nationalities Papers*. – 2019. – Vol. 47 (2). – P. 310–324.
28. Moore, D. Ch. Is the Post- in Postcolonial the Post- in Post-Soviet? Toward a Global Postcolonial Critique / D. Ch. Moore // *Publications of the Modern Language Association of America*. – 2001. – Vol. 116 (1). – P. 111–128.
29. Mouradian, C. The Origins of a Colonial Vision of Southern Russia From the Tsars to the Soviets: About Some Imperial Practices in the Caucasus / S. Hohmann, C. Mouradian, S. Serrano, J. Thorez // *Development in Central Asia and the Caucasus. Migration, Democratisation and Inequality in the Post-Soviet Era*. – London ; New York : I. B. Tauris, 2014. – P. 17–46.
30. Northrop, D. *Veiled Empire: Gender and Power in Stalinist Central Asia* / D. Northrop. – Ithaca ; London : Cornell University Press, 2004. – 392 p.
31. Pavlyshyn, M. Post-colonial Features in Contemporary Ukrainian Culture / M. Pavlyshyn // *Australian Slavic and East European Studies*. – 1992. – Vol. 6 (2). – P. 41–55.
32. Pipes, R. Did the Russian Revolution Have to Happen? / R. Pipes // *The American Scholar*. – 1994. – Vol. 63 (2). – P. 215–238.
33. Rowley, D. G. "Redeemer Empire": Russian Millenarianism / D. G. Rowley // *The American Historical Review*. – 1999. – Vol. 104 (5). – P. 1582–1602.
34. Said, E. W. *Orientalism* / E. W. Said. – New York : Vintage Books, 1979. – 369 p.
35. Spivak, G. C. Can the Subaltern Speak? / R. C. Morris // *Can the Subaltern Speak? Reflections on the history of an idea*. – New York : Columbia University Press, 2010. – P. 21–80.
36. Stanley, W. P. Lenin, the National Question and the Baltic States, 1917–19 / W. P. Stanley // *The American Slavic and East European Review*. – 1948. – Vol. 7 (1). – P. 15–31.
37. Stites, R. *Revolutionary Dreams. Utopian Vision and Experimental Life in the Russian Revolution* / R. Stites. – New York ; Oxford : Oxford University Press, 1991. – 307 p.
38. Suny, R. G. Nationalist and Ethnic Unrest in the Soviet Union / R. G. Suny // *World Policy Journal*. – 1989. – Vol. 6 (3). – P. 503–528.
39. Zenkovsky, S. A. Kulturkampf in pre-revolutionary Central Asia / S. A. Zenkovsky // *American Slavic and East European Review*. – 1955. – Vol. 14 (1). – P. 15–41.

#### References

1. Abashin, S. Sovetskoe = kolonialnoe? (Za i protiv) [Soviet = Colonial? (Cons and pros)]. *Ponyatiya o sovetском v Tsentralnoy Azii* [Concepts of the Soviet in Central Asia]. Ed. by G. Mamedov, O. Shatalova. Bishkek, STAB-Press, 2016, pp. 28–49.
2. Agayan, B. G., Shaymerdenova, M. D. *Istoriya Kazahstana (nachalo XX veka – nastoyashchee vremya)* [History of Kazakhstan (beginning of XX – until the present)]. Almaty, Atamura Publ., 2013, 400 p.
3. Berdyayev, N. A. *Istoki i smysl russkogo kommunizma* [The Origin of Russian Communism]. St. Petersburg, Azbuka Publ., 2016, 221 p.
4. Brandenberger, D. L. *Natsional-bolshevizm. Stalinskaya massovaya kultura i formirovanie russkogo natsionalnogo samosoznaniya. 1931–1956* [National Bolshevism: Stalinist Mass Culture and the Formation of Modern Russian Identity, 1931–1956]. St. Petersburg, Akademicheskies proekty Publ. ; DNK Publ., 2009, 415 p.
5. Bulavka, L. A. *Fenomen sovetской kultury* [Phenomenon of Soviet Culture]. Moscow, Kulturnaya revolyutsiya Publ., 2008, 288 p.
6. Vagina, M. *Sovetskiy sport i politika rekorda* [Soviet Sport and Record Politics]. SSSR: *zhizn posle smerti* [USSR: Life after Death]. Ed. by I. Glushchenko, B. Kagarlickiy, V. Kurennoy. Moscow, Higher School of Economics Publ., 2012, pp. 119–136.

7. Gerasimov, I., Portnov, A. "Nashey zadachey yavlyaetsya dekonstruktsiya 'skhemy russkoy istorii', sokhranyayushcheysoya so vremen Karamzina" [Our Task is to Deconstruct 'the scheme of Russian History' that has been preserved since the Time of Karamzin]. *Colta.ru*. 05 Oct., 2017. Available at: <https://www.colta.ru/articles/literature/16199-nashey-zadachey-yavlyaetsya-dekonstruktsiya-shemy-russkoy-istorii-sohranyayushcheysoya-so-vremen-karamzina>.
8. Imankulov, M. K. *Istoriya Kyrgyzstana (XX–XXI vv.) 9 klass* [History of Kyrgyzstan (XX–XXI centuries). 9<sup>th</sup> grade]. Bishkek, 2014, 240 p.
9. Kalinovskiy, A. Prizyvniki socializma: tadzhikskaya intelligentsiya i dekolonizatsiya po-sovetski [Conscripts of Socialism? The Tajik Intelligentsia and Soviet-Style Decolonization]. *NLO*, 2020, no. 1 (161). Available at: [https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe\\_literaturnoe\\_obozrenie/161\\_nlo\\_1\\_2020/article/21976/](https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/161_nlo_1_2020/article/21976/).
10. Lenin, V. I. Stranichki iz dnevnika [Diary Pages]. *Poslednie pisma i stati. 23 dekabrya 1922 g. – 2 marta 1923 g.* [Last Letters and Papers. 23 of December 1922 – 2 of March 1923]. Moscow, Politizdat Publ., 1973, pp. 22–27.
11. Mamedov, G. Bishkek utopicheskiy: arheologiya radikalnogo vobrazheniya [Utopian Bishkek: Archeology of Radical Imagination]. *Bishkek utopicheskiy: sbornik tekstov* [Utopian Bishkek: collected works]. Ed. by G. Mamedov, O. Shatalova. Bishkek, 2015, pp. 6–23.
12. Martin, T. *Imperiya "polozhitelnoy deyatelnosti". Natsii i natsionalizm v SSSR, 1923–1939* [Affirmative Action Empire. Nations and Nationalism in the USSR, 1923–1939]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2011, 662 p.
13. Penzin, A. A. Postsovetskaya "singulyarnost": neskolko tezisev i istoriy vokrug odnoy problemy [Post-soviet "Singularity": a Few Theses and Case Studies Around one Problem]. *Lichnost. Kultura. Obshchestvo* [Personality. Culture. Society], 2012, vol. 14 (iss. 2), no. 71–72, pp. 114–122.
14. Ryabchuk, M. Raznovidnosti kolonizatsiya: o vozmozhnostyakh primeneniya postkolonialnoy metodologii k izucheniyu postkommunisticheskoy Vostochnoy Evropy [Varieties of Colonialism: on the Possibilities of Applying Postcolonial Methodology to the Study of post-Communist Eastern Europe]. *Politicheskaya kontseptologiya* [Political conceptology], 2013, no. 3, pp. 116–125.
15. Trotskiy, L. *Permanentnaya revolyutsiya* [Permanent Revolution]. St. Petersburg, Azbuka-klassika Publ., 2009, 224 p.
16. Fitspatrik, Sh. *Povsednevnyy stalinizm. Sotsialnaya istoriya Sovetskoy Rossii v 30-e gg.: gorod* [Everyday Stalinism: Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2001, 332 p.
17. Adams, L. Modernity, Postcolonialism, and Theatrical Form in Uzbekistan. *Slavic Review*, 2005, vol. 64 (2), pp. 333–354.
18. Aldrich, R. Colonialism and Nation-Building in Modern France. *Nationalizing Empires*. Ed. by A. Miller, S. Berger. Budapest; New York, CEU Press, 2015, pp. 135–194.
19. Beissinger, M. The Persistence of Empire in Eurasia. *NewsNet*, 2008, vol. 48 (1), pp. 1–8.
20. Bezrogov, V. 'If the War Comes Tomorrow': Patriotic Education in the Soviet and post-Soviet Primary School. *Soviet and post-Soviet identities*. Ed. by M. Bassin, C. Kelly. Cambridge, Cambridge University Press, 2012, pp. 113–128.
21. Blitstein, P. A. Cultural Diversity and the Interwar Conjunction: Soviet Nationality Policy in Its Comparative Context. *Slavic Review*, 2006, vol. 65 (2), pp. 273–293.
22. Carey, H. F., Raciborski, R. Postcolonialism: A Valid Paradigm for the Former Sovietized States and Yugoslavia? *East European Politics and Societies*, 2004, vol. 18 (2), pp. 191–235.
23. Evans, N. "A World Empire, Sea-Gift": The British Empire, State and Nations, 1780–1914. *Nationalizing Empires*. Ed. by A. Miller, S. Berger. Budapest; New York, CEU Press, 2015, pp. 31–98.
24. Gleason, G. Independence and Decolonization in Central Asia. *Asian Perspective*, 1997, vol. 21 (2), pp. 223–246.
25. Kalinovskiy, A. Not Some British Colony in Africa: The Politics of Decolonization and Modernization in Soviet Central Asia, 1955–1964. *AbImperio*, 2013, no. 2, pp. 191–222.
26. Khalid, A. Backwardness and the Quest for Civilization: Early Soviet Central Asia in Comparative Perspective. *Slavic Review*, 2006, vol. 65 (2), pp. 231–251.
27. Malakhov, V. Why Tajiks Are (Not) Like Arabs: Central Asian Migration into Russia Against the Background of Maghreb Migration into France. *Nationalities Papers*, 2019, vol. 47 (2), pp. 310–324.
28. Moore, D. Ch. Is the Post- in Postcolonial the Post- in Post-Soviet? Toward a Global Postcolonial Critique. *Publications of the Modern Language Association of America*, 2001, vol. 116 (1), pp. 111–128.
29. Mouradian, C. The Origins of a Colonial Vision of Southern Russia From the Tsars to the Soviets: About Some Imperial Practices in the Caucasus. *Development in Central Asia and the Caucasus. Migration, Democratisation and Inequality in the Post-Soviet Era*. Ed. by S. Hohmann, C. Mouradian, S. Serrano, J. Thorez. London; New York, I. B. Tauris Publ., 2014, pp. 17–46.
30. Northrop, D. *Veiled Empire: Gender and Power in Stalinist Central Asia*. Ithaca; London, Cornell University Press, 2004, 392 p.
31. Pavlyshyn, M. Post-colonial Features in Contemporary Ukrainian Culture. *Australian Slavonic and East European Studies*, 1992, vol. 6 (2), pp. 41–55.
32. Pipes, R. Did the Russian Revolution Have to Happen? *The American Scholar*, 1994, vol. 63 (2), pp. 215–238.
33. Rowley, D. G. "Redeemer Empire": Russian Millenarianism. *The American Historical Review*, 1999, vol. 104 (5), pp. 1582–1602.
34. Said, E. W. *Orientalism*. New York, Vintage Books Publ., 1979, 369 p.
35. Spivak, G. C. Can the Subaltern Speak? *Can the Subaltern Speak? Reflections on the history of an ideal*. Ed. by R. C. Morris. New York, Columbia University Press, 2010, pp. 21–80.



36. Stanley, W. P. Lenin, the National Question and the Baltic States, 1917–19. *The American Slavic and East European Review*, 1948, vol. 7 (1), pp. 15–31.
37. Stites, R. *Revolutionary Dreams. Utopian Vision and Experimental Life in the Russian Revolution*. New York, Oxford, Oxford University Press, 1991, 307 p.
38. Suny, R. G. Nationalist and Ethnic Unrest in the Soviet Union. *World Policy Journal*, 1989, vol. 6 (3), pp. 503–528.
39. Zenkovsky, S. A. Kulturkampf in pre-revolutionary Central Asia. *American Slavic and East European Review*, 1955, vol. 14 (1), pp. 15–41.

### **МЕЖДУНАРОДНОЕ НАБЛЮДЕНИЕ НА ВЫБОРАХ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ<sup>1</sup>**

**Морозова Оксана Сергеевна**, доцент

Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина

Российская Федерация, 390000, г. Рязань, ул. Свободы, 46

E-mail: osmorozova80@mail.ru

В статье речь идет о международном наблюдении на выборах в условиях пандемии. Стремительное распространение вируса COVID-19 по всему миру, начиная с зимы 2020 г., привело к введению режима чрезвычайного положения либо карантинных мер в большинстве стран. Пандемия вызвала опасения в соблюдении эпидемиологической безопасности во время проведения избирательной кампании и дня голосования. Две трети стран, где были запланированы выборы, перенесли их на более поздние конкретные даты либо неопределённый срок. В тех государствах, где выборы были проведены, участие международных миссий по наблюдению за избирательным процессом было исключено. В ограниченном масштабе международное наблюдение на выборах возобновилось с июня 2020 г. В статье представлена хронология проведения выборов во время пандемии, показаны особенности международного наблюдения в этот период. Автор приводит обзор документов, подготовленных исследовательскими центрами и международными объединениями (БДИПЧ ОБСЕ, International IDEA, ANFREL, Wahlbeobachtung.org / Election-Watch.EU, ACE Electoral Network, IFES и др.), по вопросам организации избирательных кампаний и осуществления наблюдения на выборах в условиях сохраняющейся угрозы распространения коронавируса.

**Ключевые слова:** международный уровень управления в сфере избирательного процесса, пандемия, COVID-19, наблюдение, выборы, электоральная политика, БДИПЧ ОБСЕ, International IDEA, ANFREL, Wahlbeobachtung.org / Election-Watch.EU, ACE Electoral Network, IFES, избирательные права граждан

### **INTERNATIONAL ELECTION OBSERVATION DURING THE PANDEMIC**

**Morozova Oksana S.**, Associate Professor

Ryazan State University named for S. Yesenin

390000, Russia, Ryazan, Svobodi str., 46

e-mail: osmorozova80@mail.ru

**Abstract:** the article deals with international election observation in the context of a pandemic. The rapid spread of the COVID-19 virus around the world, starting in the winter of 2020, has led to the introduction of a state of emergency or quarantine measures in most countries. The pandemic raised concerns about epidemiological security during the election campaign and election day. Two-thirds of the countries where elections were scheduled postponed them to a later specific date or an indefinite period. In those States where elections were held, the participation of international electoral monitoring missions was excluded. On a limited scale, international election monitoring has resumed since June 2020. The article presents the chronology of elections during the pandemic, and shows the features of international observation during this period. The author provides an overview of documents prepared by research centers and international associations (OSCE / ODIHR, International IDEA, ANFREL, Wahlbeobachtung.org/ Election-Watch.EU, ACE Electoral Network, IFES, etc.), on organizing election campaigns and monitoring elections in the face of the continuing threat of the spread of coronavirus.

**Keywords:** international level of governance in the field of the electoral process, pandemic, COVID-19, monitoring, elections, electoral policy, OSCE / ODIHR, International IDEA, ANFREL, Wahlbeobachtung.org/Election-Watch.EU, ACE Electoral Network, IFES, citizens' electoral rights

Развитие избирательного права и процесса никогда не происходило автономно, а всегда зависело от политических, социально-экономических и прочих факторов, среди которых в настоящее время мы можем наблюдать, как на первый план вышли не спрогнозированные ранее риски эпидемиологического характера. Организация Объединённых Наций назвала вспышку пандемии COVID-19 самым большим международным кризисом поколения [5].

---

<sup>1</sup> Статья выполнена в рамках гранта РФФИ №19-011-00484 «Международный уровень управления в сфере избирательного процесса». (The article was carried out within the framework of the RFBR grant No. 19-011-00484 "International level of management in the field of the electoral process".)